ВИКТОРИЯ МАЙ-СТАЙН

ПЯТНИЦА 13

Биография одного страха

Виктория Май-Стайн

Пятница 13. Биография одного страха

«Автор»
2026

Май-Стайн В.

Пятница 13. Биография одного страха / В. Май-Стайн — «Автор», 2026

Почему двенадцать стало числом порядка, а тринадцать получило дурную славу? Откуда взялась чёртова дюжина и действительно ли Иуда был тринадцатым участником Тайной вечери?Виктория Май-Стайн исследует историю календарей, русские поверья о пятнице, рассказы о ведьмах, религиозные тексты и происхождение XIII аркана Таро — Смерть. Сопоставляя источники, автор отделяет старые свидетельства от поздних легенд и прослеживает, как число становится поводом для страха.От исторических находок книга ведёт к авторскому осмыслению земной матрицы как системы опыта и ограничивающих программ сознания. Что, если тринадцать символизирует выход за пределы освоенного круга, а пугает нас потеря привычной опоры?Разговор о смерти, перемене и свободе, в котором факты сохраняют своё место, а духовные выводы остаются открытыми для самостоятельного решения читателя.

© Май-Стайн В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Как люди поделили время 6
Луна не укладывается в наш год 7
Что рассказывали Геродоту 8
Зачем календарю был нужен тринадцатый месяц 9
Часы на внутренней стороне крышки 10
Как на небе появились равные части 11
Что мы принимаем за естественный порядок 12
Глава 2. Удобная дюжина 13
Когда не остаётся лишнего 14
Как дюжина жила в русском языке 15
Дюжина дюжин 16
Ладонь как счётный инструмент 17
Двенадцать в мерах и деньгах 18
Когда привычное число обозначает обыкновенность 19
От удобного устройства к полноте 20
Глава 3. Когда двенадцать означает полноту 21
Алтарь для двенадцати богов 22
Город, который разделили между богами 23
Почему Геракл совершил больше, чем ему назначили 24
Двенадцать колен и общая память 25
Почему состав перечней требует внимания 26
Когда место одного занимает другой 27
Город, в котором число становится устройством 28
Как я понимаю этот круг 29
Глава 4. Когда начали бояться тринадцати 30
День, в который можно сажать 31
Двенадцатым или четырнадцатым 32
Когда числу назначили срок 33
Как страх обрастал правилами 34
Что мы можем назвать началом 35
Глава 5. Один стол и тринадцать участников 36
Тот, кто уже был среди двенадцати 37
Трапеза, которую нельзя свести к несчастью 38
Кусок хлеба и уход в ночь 39
Как эту сцену читали до нас 40
Изображение, которое мы принимаем за воспоминание 41
Компания, которой помог будущий ребёнок 42
Где появляется тринадцатый Иуда 43
Что изменилось при пересказе 44
Глава 6. Ведьмы, дьявол и тринадцатый участник 45
Женщина из Олдерна 46
Что означает признание 47
Как из отдельных дел получилась система 48
Кого прибавляли к тринадцати 49
Число, которое участники выбирают сами 50
Та, для которой не нашлось тарелки 51

Что именно стало дьявольским 52
Глава 7. Кого называют чёртовой дюжиной 53
Сначала была дюжина 54
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Виктория Май-Стайн
Пятница 13. Биография одного страха

Глава 1. Как люди поделили время

Я начала писать эту книгу в пятницу, 13-го. Сначала, как и многие, подумала об Иуде, Тайной вечере и чёртовой дюжине. Казалось бы, туда и надо идти: искать, где тринадцать впервые назвали несчастливым. Но по мере работы у меня всё чаще возникал другой вопрос. А что происходит перед ним? Почему именно на двенадцати так часто заканчивается привычный ряд?

Двенадцать месяцев, двенадцать знаков зодиака, двенадцать делений на часах. Мы настолько к этому привыкли, что почти не замечаем самого числа. Январь идёт после декабря, часовая стрелка снова оказывается у единицы, и никому не приходит в голову, что система могла выглядеть иначе. Мне захотелось сначала разобраться с этим устройством, а уже потом говорить о числе, которое оказалось следующим.

Луна не укладывается в наш год

С календарём обнаруживается подробность, которую легко пропустить: в солнечном году вовсе не ровно двенадцать лунных месяцев.

В книге астронома Ивана Климишина «Календарь и хронология» устройство календарей начинается с соотношения разных периодов. Между одинаковыми фазами Луны в среднем проходит около 29,53 суток. Двенадцать таких промежутков дают примерно 354,37 суток. Год, связанный с возвращением сезонов, длится около 365,24 суток. Разница составляет почти одиннадцать дней.[1]

То есть природа не выдала человеку готовую таблицу, в которой всё сошлось без остатка. Можно отсчитывать месяцы по Луне, но тогда начало года будет смещаться относительно времён года. Можно держаться солнечного года, но тогда придётся иначе устраивать месяцы. А можно попытаться согласовать оба движения, время от времени исправляя счёт.

Представим задачу без специальных терминов. Вы договорились считать началом месяца появление молодой Луны. Отсчитали двенадцать месяцев, объявили новый год и ждёте привычного сезона. Только в следующем году календарная дата наступит раньше относительно него, потом ещё раньше. Сама последовательность месяцев будет соблюдена, а связь с сезоном постепенно изменится. Для системы, которая должна удерживать и лунный счёт, и сроки сезонных работ, этого недостаточно.

Отсюда разные решения. В лунном календаре сохраняют двенадцать месяцев, а их движение по сезонам принимают как особенность счёта. В лунно-солнечном периодически вводят дополнительный месяц. В солнечном месяцы могут уже не соответствовать фазам Луны. Такое различие подробно объясняет Дмитрий Добровольский в разделе об астрономической основе календаря в «Православной энциклопедии».[2]

Для нашей темы здесь важен сам факт: тринадцатый месяц мог быть необходимой поправкой. Там, где нужно удержать связь Луны и сезонов, дополнительный элемент помогает системе выполнять свою задачу.

С этого и начинается различие, которое я хочу проследить дальше: в одном устройстве тринадцатый необходим, а в другом оказывается нежелательным. В какой момент дополнительному числу начинают приписывать опасный смысл? К этому вопросу мы ещё придём через историю поверий.

Что рассказывали Геродоту

У Геродота во второй книге «Истории» есть небольшой рассказ о том, как египтяне считают год. Он сообщает, что расспрашивал жрецов в разных городах и сопоставлял услышанное. По их словам, египтяне установили год из двенадцати частей благодаря наблюдениям за светилами. Каждый месяц содержал тридцать дней, а к получившемуся числу добавляли ещё пять. Геродоту этот способ представлялся точнее греческого, где приходилось вставлять дополнительный месяц.[3]

Мне нравится, что здесь можно увидеть сам процесс объяснения. Перед нами древний автор, который интересуется чужим устройством жизни, получает ответ и оценивает его со своей точки зрения. Его сообщение о первенстве египтян остаётся переданным им утверждением жрецов. А вот описанную схему мы можем рассмотреть отдельно: двенадцать раз по тридцать и пять дней сверх этого счёта.

Даже здесь законченного ряда из двенадцати месяцев недостаточно, чтобы получить весь год. За ним остаются дни, которым тоже нужно найти место.

Египтолог Дженис Камрин в исследовании для Метрополитен-музея описывает египетский гражданский календарь с двенадцатью тридцатидневными месяцами. Их объединяли в три сезона по четыре месяца, а пять дополнительных дней помещали в конце года. Такой календарь существовал уже в Древнем царстве. Названия сезонов связывались с разливом, выходом земли из-под воды и урожаем. При этом год из 365 дней постепенно расходился с реальным сезонным циклом, поскольку оставалась неучтённой ещё примерно четверть суток.[4]

Вот что получается: мы видим ясное, удобное устройство, но оно всё равно нуждается в сопоставлении с происходящим за его пределами. Человек умеет обозначить начало года, назвать сезон и записать дату. Однако природа продолжает двигаться со своей длительностью, и со временем несовпадение становится заметным.

Мне запомнилось это расхождение: круг уже описан, а жизнь продолжает вносить поправки. К вопросу о земном опыте мы ещё вернёмся. Пока достаточно увидеть, что закончить счёт и охватить всё происходящее — разные задачи.

Зачем календарю был нужен тринадцатый месяц

В Месопотамии связь месяца с Луной сохраняли иначе. В обзоре ранней астрономии Мичиганского университета говорится о начале месяца по первому появлению лунного серпа и о добавлении тринадцатого месяца в определённые годы ради согласования календаря с сезонами. Там же описана длительная традиция записей небесных явлений: наблюдатели фиксировали положения светил, затмения и другие события, а затем использовали накопленные сведения для расчётов.[5]

Чтобы заметить такое расхождение, нужно было годами смотреть на небо и сверяться с прошлыми записями. Тринадцатый месяц появился здесь как решение вполне определённой задачи: вернуть календарь к сезонам.

У Климишина приведено распоряжение Хаммурапи о вставке месяца, которое он датирует примерно 1760 годом до нашей эры. Начинающемуся месяцу предписывалось дать название второго Улулу. В том же распоряжении уточнялся срок доставки подати: вместо двадцать пятого дня Ташриту её следовало доставить двадцать пятого дня второго Улулу. Дополнительное время включалось в хозяйственную жизнь государства вместе с новым указанием, когда платить.[1]

Обратите внимание: прибавленный месяц не обязательно стоял после двенадцатого. Здесь повторяли один из месяцев внутри года. Тринадцать — это общее количество месяцев с учётом вставки. Иначе легко представить себе отдельный месяц под названием «тринадцатый», хотя в данном случае документ говорит о втором Улулу.

Но календарь обслуживал и религиозную жизнь. У античного астронома Гемина в трактате «Введение в явления» объясняется стремление греков согласовывать месяцы с Луной, а годы с Солнцем. Среди причин он называет необходимость совершать установленные жертвоприношения в положенное время года: весенние должны оставаться весенними, летние — летними. Я читала этот текст в русском переводе Андрея Щетникова.[6]

Поэтому мне трудно разделить здесь всё на две аккуратные половины: сначала люди якобы занимались только хозяйством, а потом решили добавить духовный смысл. В описанной Гемином ситуации религиозный порядок уже входит в саму задачу календаря. Согласовать движения светил нужно в том числе ради соблюдения обряда.

Для человека, связывавшего время с отношениями с богами, правильный счёт был частью религиозной жизни. Поэтому искать один момент, когда удобное число вдруг стало священным, не всегда получится: эти значения уже могли существовать вместе.

Часы на внутренней стороне крышки

История часов возвращает нас в Египет. Только вместо знакомого циферблата перед нами оказывается деревянный гроб.

На внутренних поверхностях крышек некоторых египетских гробов сохранились так называемые диагональные звёздные таблицы. В описании исследовательского проекта Египетского музея в Турине говорится о сетке из двенадцати строк и тридцати шести столбцов. Таблица связывает ночные часы с последовательностью звёздных групп, которые принято называть деканами. Такие изображения известны на памятниках XI и XII династий. Их размещение в погребении музей объясняет стремлением умершего приобщиться к небесному циклу и его возобновлению.[7]

Этот предмет заставляет по-другому смотреть на измерение времени. Таблица, по которой можно обсуждать последовательность звёзд и деление ночи, находится рядом с умершим. Небесное движение включено в представление о его дальнейшей судьбе. В одном памятнике встречаются наблюдение, устройство времени и надежда на продолжение существования.

Роберт Кокрофт и Сара Саймонс, исследователи истории астрономии, прослеживают развитие египетского часа по письменным и вещественным свидетельствам. Они обращают внимание на таблицы из Асьюта примерно 2000 года до нашей эры, а затем на материал Осирейона в Абидосе, где двенадцать строк уже прямо связаны с обозначением часов. В эпоху Нового царства различались двенадцать дневных и двенадцать ночных часов. Авторы подчёркивают, что эти ряды выражались отдельно: переносить на них без пояснения наше привычное представление о единых двадцатичетырёхчасовых сутках неточно.[8]

И длина такого часа отличалась от нашей. При сезонном делении дневные часы летом оказывались длиннее, а зимой короче; с ночными происходило обратное. Национальный институт стандартов и технологий США отдельно отмечает эту изменчивость и последующее использование равных, равноденственных часов эллинистическими астрономами.[9]

Получается, само слово «час» может обмануть. Мы слышим его и представляем неизменные шестьдесят минут. А в другой системе двенадцать обозначало количество частей изменяющегося промежутка. Ряд сохранялся, продолжительность его частей менялась.

Так что двенадцать месяцев и двенадцать ночных часов ещё предстоит объяснять по отдельности. Совпадение числа само по себе не рассказывает, как возникла каждая система.

Как на небе появились равные части

С зодиаком требуется похожая внимательность. Мне, как человеку, который работает с символическими системами, особенно важно не смешивать историю их возникновения с тем значением, которое они имеют для меня сейчас.

В работе «Введение зодиака как полосы созвездий в месопотамской астрономии» историк науки Геннадий Куртик различает два этапа. Один связан с выделением небесной полосы, по которой движутся Луна, Солнце и планеты. Другой — с делением соответствующего круга на двенадцать равных частей по тридцать градусов. Между этими этапами лежит длительная история наблюдений и описаний.[10]

Это различие меняет привычную картину. Люди не обязательно сразу увидели знакомый нам ряд из двенадцати знаков. Сначала нужно было выделить общую область движения светил, описать расположенные там созвездия, научиться пользоваться ими как ориентирами. Уже затем возникает равномерная схема.

В более раннем месопотамском перечне «пути Луны», разобранном Куртиком в работе «О происхождении системы 12 зодиакальных созвездий в Древней Месопотамии», перечисляются восемнадцать созвездий. Среди них встречаются знакомые образы, но весь ряд устроен иначе, чем позднейший двенадцатичленный зодиак.[11]

Число восемнадцать здесь особенно полезно помнить. Оно не позволяет незаметно перенести готовую систему в любое древнее упоминание небесных фигур. Если мы хотим понять, почему закрепилось двенадцать, нужно проследить изменение ряда, а не начинать с предположения, будто другого никогда не существовало.

Историк астрономии Джон Стил в статье 2018 года о развитии вавилонского зодиака относит формирование равномерного деления к концу V века до нашей эры. Он рассматривает его как средство определения положения небесных тел, возникшее в традиции, соединявшей наблюдения с вычислениями.[12]

Гемин впоследствии прямо различает двенадцатую долю круга и звёздную фигуру. Части круга равны, а созвездия занимают неодинаковое пространство. Он приводит пример Девы, выступающей за пределы своей доли.[6]

Мне это объяснение кажется очень наглядным. Изображение может выходить за границу, а система координат сохраняет равные участки. Чтобы разобраться в устройстве зодиака, приходится одновременно видеть звёзды и способ их упорядочения. Тогда становится понятно, почему нельзя судить о числе знаков только по величине небесных фигур.

Что мы принимаем за естественный порядок

Для меня двенадцать связано с образом завершённого круга. История календарей, часов и зодиака позволяет увидеть, как это число становилось частью повседневной жизни и представлений о небесном устройстве.

В календаре люди пытались согласовать периоды, которые не совпадают точно. В делении ночи пользовались звёздными последовательностями и сохраняли число частей при меняющейся их длительности. В зодиаке постепенно перешли к равным участкам круга. Здесь есть разные решения, разные памятники и разные сроки их появления. Их сходство интересно именно тогда, когда мы не стираем различия.

Мне важно увидеть и ещё одну сторону. Мы рождаемся в уже названном и разделённом мире. Нам не приходится заново выбирать, сколько месяцев будет в году и как обозначать час. Мы осваиваем готовый порядок, пользуемся им, передаём дальше. Через некоторое время его условности перестают ощущаться: кажется, что иначе всё и не могло быть устроено.

Я понимаю матрицу земного опыта как пространство, внутри которого сознание встречается с определёнными закономерностями и проходит свои процессы. Позже я подробно объясню, как связываю с этим образом завершённый круг двенадцати. Сейчас календарные истории помогают мне удержать существенную мысль: порядок позволяет ориентироваться, но наше описание порядка не охватывает автоматически всё существующее.

В этой истории тринадцатый элемент помогает согласованию. Я хочу сохранить этот случай в памяти, когда мы доберёмся до чёртовой дюжины. Тогда можно будет сопоставить разные представления и проследить, как один и тот же счёт приобретает совершенно разную репутацию.

А прежде стоит спуститься с неба к обычному счёту. Посмотреть, как двенадцать делится, распределяется и работает в руках человека. У дюжины была и такая жизнь, вполне земная, и без неё наш разговор о сакральном порядке остался бы неполным.

Глава 2. Удобная дюжина

Попробуйте разделить десять яблок поровну между тремя людьми. Пока мы считаем целыми яблоками, задача не сходится: каждому достанется по три, одно останется. С двенадцатью всё проще. По четыре, и остатка нет. На четверых получится по три, на шестерых — по два.

С этой простой разницы я и хочу продолжить разговор о двенадцати. В прошлой главе мы смотрели на Луну и звёзды. Теперь положим перед собой обычные вещи, которые нужно пересчитать, распределить или обменять. Здесь у числа появляется вполне осязаемое преимущество.

Чем больше я разбираюсь в его истории, тем меньше мне хочется разделять материальное и духовное так, словно они никогда не встречались. Человек мог пользоваться удобным счётом и одновременно видеть в нём порядок, который соответствует его представлению о мире. Но для начала посмотрим, что именно удобно в дюжине. Это можно проверить собственными руками.

Когда не остаётся лишнего

У двенадцати шесть положительных делителей: один, два, три, четыре, шесть и само двенадцать. У десяти их четыре: один, два, пять и десять. В обыденном деле особенно заметны тройки и четвёрки. Дюжину можно раздать трём людям без дробления предметов; десяток так не распределишь.

Возьмём для примера двенадцать одинаковых чашек. Их можно поставить двумя рядами по шесть, тремя по четыре или четырьмя по три. Меняется расположение, а количество остаётся тем же. Если нужно отдать половину набора, мы отсчитаем шесть. Треть — четыре. Четверть — три. Шестую часть — две.

И это касается не только вещей. Отрезок длиной двенадцать условных единиц тоже легко делится пополам, на три, четыре и шесть равных частей. Одна и та же мера обслуживает несколько распространённых задач.

Только не стоит из этого делать вывод, будто десять — число неудачное. Оно, например, делится на пять, а двенадцать нет. Для пяти участников удобнее иметь десять или двадцать предметов. Удобство зависит от того, что именно требуется сделать.

Для меня здесь появляется ясное основание говорить о двенадцати как о числе хорошо организованного распределения. Оно позволяет сохранить целое и получить из него несколько разных равных наборов. В символическом прочтении эта особенность может поддерживать образ согласованности частей. В самом расчёте мы пока имеем дело с делимостью, которую легко проверить, а дальнейший смысл уже придаём ей сами.

Как дюжина жила в русском языке

У Владимира Даля слово «дюжина» объясняется через двенадцать однородных вещей, которые принято считать таким способом. Даль приводит рядом несколько разных привычек счёта: сапоги считают парами, коней тройками, лимоны пятками, яблоки десятками, ножи и вилки дюжинами.[13]

Мне нравится этот небольшой ряд. Он гораздо живее отвлечённого утверждения, что раньше все якобы считали по двенадцать. Перед нами мир, где разные предметы собирают в разные группы. Счёт приспосабливается к тому, что находится перед человеком.

Сапоги образуют пару по своему назначению. Для ножей и вилок словарь фиксирует другую принятую группу. Здесь уже виден обычай: двенадцать предметов можно назвать одним словом, не перечисляя их каждый раз заново.

Представим такую покупку без претензии на восстановление конкретного разговора прошлого. Покупатель просит две дюжины ложек. Продавец понимает количество: двадцать четыре. Если нужна половина дюжины, это шесть. Слово обозначает узнаваемую партию, а у партии есть части, с которыми удобно обращаться.

У Макса Фасмера история русского слова связана с французским douzaine и итальянским dozzina, восходящими к латинскому duodecim, то есть двенадцати. В качестве письменного свидетельства Фасмер указывает Морской устав 1720 года.[14]

Здесь я отмечу только историю самого слова. Когда мы доберёмся до чёртовой дюжины, её происхождение придётся разбирать отдельно. Дата обычной дюжины не сообщает автоматически, когда к ней добавили чёрта.

Дюжина дюжин

В торговом счёте была и следующая ступень: гросс, двенадцать дюжин, или сто сорок четыре предмета. В словаре под редакцией Дмитрия Ушакова это торговая единица для мелких товаров; в примерах названы пуговицы и карандаши.[15]

Если представить сто сорок четыре пуговицы россыпью, их придётся пересчитывать по одной или раскладывать небольшими группами. Если же они уже собраны в двенадцать пачек по двенадцать, вся партия получает ясное устройство. Можно проверить количество пачек, затем количество предметов в каждой. Ошибка внутри одной группы становится отдельной задачей, а не поводом заново перебирать всю россыпь.

Это мой наглядный пример устройства счёта, а не описание определённого склада. Он помогает почувствовать, зачем людям вообще нужны промежуточные группы. Дюжина собирает единицы, гросс собирает дюжины. Вместо длинного ряда отдельных вещей появляются уровни, с которыми легче работать.

Но отсюда ещё не следует, что человек перешёл на двенадцатеричную систему записи чисел. Мы и сейчас можем сказать «три дюжины», а затем записать результат привычным числом 36.

При двенадцатеричной позиционной записи меняется значение разрядов. Следующая после единиц позиция обозначает уже дюжины. Для количеств десять и одиннадцать нужны дополнительные знаки; например, их могут обозначать A и B. Тогда запись 10 в такой системе означает наше двенадцать, а запись 11 — наше тринадцать. Так устройство системы объясняет математик Эрик Вайсстайн в справочнике MathWorld.[16]

Я задержалась на этой разнице потому, что одинаковое выражение «счёт по двенадцать» может скрывать разные действия. Одно дело — собирать предметы в партии, другое — делить меру на двенадцать частей, третье — перестроить всю запись чисел. Историю каждого из этих решений нужно рассматривать в его собственном устройстве.

Ладонь как счётный инструмент

До двенадцати можно досчитать на одной руке, даже если на ней обычные пять пальцев. Большой палец становится указателем, а на остальных четырёх мы последовательно отмечаем по три участка, соответствующих фалангам. Получается четыре раза по три.

Попробуйте медленно провести большой палец по трём участкам указательного, затем среднего, безымянного и мизинца. Вы получите двенадцать позиций. В статье Брэда Эшли «Counting on your Fingers», опубликованной в бюллетене Лондонского математического общества, показано именно такое устройство счёта и его связь с основанием двенадцать.[17]

Мне здесь важна возможность самой почувствовать приём. Чтобы отсчитать дюжину, не обязательно держать в памяти длинную последовательность: положение большого пальца помогает обозначить, до какого места ты дошёл.

А вот вопрос, где и когда этот способ впервые появился и породил ли он какую-либо конкретную систему мер, требует уже исторических свидетельств. Современная демонстрация показывает, что так считать можно. Историю происхождения она сама по себе не восстанавливает. Поэтому я использую её здесь как понятный пример устройства счёта, не назначая единственным началом всех двенадцатеричных рядов.

Двенадцать в мерах и деньгах

У числа была ещё одна работа: делить единицу на удобные доли. Например, фут содержит двенадцать дюймов. Половина фута тогда составляет шесть дюймов, треть — четыре, четверть — три. В таблицах Национального института стандартов и технологий США зафиксировано и другое соотношение: тройский фунт содержит двенадцать тройских унций.[18]

Название системы здесь существенно. В тех же таблицах для обычного весового фунта avoirdupois указаны шестнадцать унций. Если просто написать, что фунт состоит из двенадцати унций, получится неточность. Двенадцать действительно использовалось в устройстве мер, но не занимало в них все возможные места.

На денежном счёте это разнообразие видно ещё отчётливее. До перехода Великобритании к десятичной денежной системе фунт делился на двадцать шиллингов, а шиллинг — на двенадцать пенсов. В фунте, соответственно, было двести сорок пенсов. Историю этого устройства описывает Музей Королевского монетного двора.[19]

Здесь можно провести простой расчёт. Половина шиллинга составляет шесть пенсов, треть — четыре, четверть — три. Но следующий уровень, фунт, содержит уже двадцать шиллингов. В одном устройстве соседствуют разные основания деления.

Музей прослеживает традицию такого денежного счёта через Франкское государство и её раннее распространение в Англии. Он также обращает внимание на различие между расчётной единицей и монетой: счёт в фунтах и шиллингах существовал раньше появления монет соответствующего достоинства.[19]

Это полезно помнить, когда мы читаем старые денежные суммы. Упомянутая единица не обязательно означает отдельную монету, которую человек вынул из кошелька. Она может быть способом выразить стоимость через принятое соотношение.

Так число закрепляется и в действиях, и в языке. Его приходится учитывать при покупке, оплате, размене, проверке количества. Для продолжения обычая достаточно того, что участники понимают один и тот же счёт. Каждый новый пользователь не обязан заново выбирать его основание.

Когда привычное число обозначает обыкновенность

В русском языке у дюжины есть поворот, который мне особенно хотелось сохранить. Прилагательное «дюжинный» могло означать человека обычного, ничем не выдающегося. Словарь Ушакова объясняет это значение через то, что встречается во множестве. [20]

Получается, рядом с будущим разговором о сакральной полноте у нас уже есть совсем другая интонация. Дюжинный человек не вызывает благоговения. Таких немало, он ничем особенно не выделяется. В привычном нам слове «недюжинный» отрицание, наоборот, позволяет подчеркнуть необычность.

Я не вывожу отсюда историю страха тринадцати. Мне интересно другое: число может участвовать в совершенно разных оценках. В счёте оно обозначает принятую группу. В характеристике человека помогает сказать, что тот похож на многих. В религиозной системе ему могут придать значение полноты.

Поэтому при каждом новом примере я буду смотреть, какую работу выполняет число именно здесь. Оно обозначает количество, поддерживает привычное деление или уже становится образом устройства мира?

От удобного устройства к полноте

Практическая сторона двенадцати теперь видна яснее. Оно даёт несколько удобных способов деления, позволяет группировать предметы, входит в соотношения мер и денежный счёт. Но я бы не стала объявлять один из этих случаев единственным объяснением всех остальных. Из того, что удобно разделить дюжину чашек, ещё не следует происхождение двенадцати апостолов.

Для меня материальная применимость числа вполне может соседствовать с его духовным значением. Я вижу в двенадцати образ структуры, внутри которой части занимают свои места и соотносятся друг с другом. Арифметика помогает сделать этот образ наглядным: целое допускает несколько согласованных распределений.

При этом тринадцать устроено иначе. Это простое число: из положительных целых чисел оно делится без остатка только на единицу и само себя. Если положить тринадцатую чашку рядом с набором из двенадцати, прежние способы раздачи целыми предметами на двоих, троих, четверых или шестерых уже не дадут равных долей без остатка.

Но достаточно собрать тринадцать участников, чтобы каждая чашка нашла своего получателя. Условия задачи изменились, и никакого лишнего предмета нет.

Этот пример мне хочется оставить без поспешного мистического вывода. Он показывает, как появление дополнительного элемента меняет привычное распределение. А что человек почувствует по этому поводу — неудобство, интерес, опасение или готовность перестроить порядок, — из самой делимости числа не следует.

В следующей главе мы перейдём туда, где полнота уже получает религиозный и мифологический смысл. Посмотрим на двенадцать богов, подвигов, колен Израиля и апостолов. Там важно будет разобраться, почему определённое сообщество описывают именно этим числом и что оно выражает для людей, которые сохраняют такой рассказ.

Глава 3. Когда двенадцать означает полноту

Дюжину вещей можно пересчитать и разделить. Но когда двенадцатью обозначают богов, колена народа или учеников духовного учителя, одного удобства счёта уже недостаточно. Люди сохраняют определённый ряд, восстанавливают его, видят в нём целое. Мне захотелось разобраться, что именно они стремятся сохранить.

Меня особенно интересует, что люди делают, когда привычный состав нарушается. Оставляют его таким, каким он оказался? Или восстанавливают число, потому что в нём выражено нечто существенное для всей общности? В некоторых источниках ответ виден через конкретное действие. К нему мы постепенно и подойдём.

Алтарь для двенадцати богов

В Афинах существовал алтарь двенадцати богов. О нём пишет Фукидид; исследовательница Ольга Осипова разбирает это свидетельство в статье о посвятительных надписях у греческих историков. Посвящение связывается с Писистратом, сыном Гиппия и внуком знаменитого тирана Писистрата, примерно в 521 году до нашей эры.[21]

Мне хотелось начать с алтаря, потому что он возвращает разговор из современного справочника в религиозную жизнь города. Группа двенадцати существовала в культе: ей можно было посвятить священное место. Словосочетание обозначало узнаваемую общность богов, к которой обращались вместе.

При этом мы не получили объяснения, что число было выбрано из-за двенадцати месяцев. Источник свидетельствует об алтаре. Связь с календарём потребовала бы другого свидетельства. Я буду сохранять эту точность и там, где собственное символическое прочтение уводит меня дальше исторического сообщения.

У Платона группа двенадцати появляется уже внутри картины небесного движения. В «Федре» Зевс едет впереди на крылатой колеснице, упорядочивая всё и заботясь обо всём. За ним следует божественное воинство. Одна Гестия остаётся дома, тогда как другие боги из числа двенадцати предводительствуют своими отрядами.[22]

Здесь меня удержала именно Гестия. Если просто произнести «двенадцать богов», можно вообразить одинаковый ряд фигур, которым досталась одна общая роль. У Платона они различаются даже по участию в движении: Гестия остаётся, остальные отправляются в путь. Целое сохраняется благодаря разным положениям его участников.

Дальше в этом же мифе речь идёт о душах, следующих за богами и стремящихся увидеть подлинное бытие за пределами неба. Для меня, с моим пониманием пути сознания, это содержательный образ: порядок небесного шествия соединён со стремлением к познанию. Платоновский рассказ я читаю в его собственных понятиях, а созвучные мне мысли отмечаю как часть своего осмысления.

Город, который разделили между богами

В «Законах» Платон предлагает ещё более конкретную конструкцию. Город и страну следует разделить на двенадцать частей. В середине располагается святилище Гестии, Зевса и Афины. Граждан также распределяют по двенадцати частям, а каждую из них посвящают определённому богу и называют его именем.[23]

Это философский проект устройства государства. Здесь можно проследить сам замысел: пространство, население и культ получают согласованную структуру. Участки должны быть по возможности равноценны, поэтому хорошая земля может занимать меньшую площадь, плохая — большую. Платон думает не только о красивом числе, но и о том, как сделать распределение соразмерным.

В том же рассуждении возникают 5040 наделов и требования согласовать меры, денежный счёт и другие подразделения. Число становится частью предлагаемого жизненного устройства. Между арифметикой и почитанием богов у Платона нет той непроходимой стены, которую мы иногда возводим, разделяя практическое и сакральное.

Для меня это один из самых ясных примеров двенадцати как организующего образа. Мы видим, каким образом автор придаёт ему такую роль. Числовое распределение должно охватить целое сообщество и связать его части между собой.

Но этот проект не следует принимать за описание всех греческих городов. В данном случае перед нами предложение Платона, и именно оно позволяет понять его мысль о согласованности устройства.

Почему Геракл совершил больше, чем ему назначили

С двенадцатью подвигами Геракла легко попасть в ловушку знакомого названия. Кажется, будто герой с самого начала получил ровно двенадцать заданий. В «Мифологической библиотеке», дошедшей под именем Аполлодора, рассказ устроен иначе.

После страшных событий, связанных с его безумием, Геракл обращается к дельфийскому оракулу. Ему назначают двенадцать лет служения Эврисфею и десять подвигов. Но два выполненных задания Эврисфей не засчитывает. Гидру Геракл победил с помощью Иолая: тот прижигал основания отрубленных голов, не давая им вырастать снова. За очистку скотного двора Авгия герой договаривался получить вознаграждение. Помощь в одном случае и условие платы в другом становятся причинами отказа.[24]

Получается неприятная для героя разница между сделанным и зачтённым. Опасность была настоящей внутри повествования, работа выполнена, а счёт служения остаётся незавершённым. Поэтому к десяти совершённым деяниям добавляются ещё два.

Мне важно сохранить эту внутреннюю историю ряда. Здесь двенадцать возникает перед читателем через условия служения, решения Эврисфея и продолжение испытаний. Само название цикла скрывает эти обстоятельства, если ограничиться одним предложением о сакральном числе.

Есть и вещественное свидетельство существования такого цикла в классической Греции. Храм Зевса в Олимпии, построенный в V веке до нашей эры, был украшен изображениями двенадцати подвигов на метопах — отдельных скульптурных панелях. Эти изображения относятся к оформлению входных частей храма.[25]

Здесь приключения героя собраны в обозримую последовательность. Их можно было воспринимать как связанный цикл в пространстве святилища. Это уже другая форма сохранения рассказа: текст пересказывает действия, а храмовая скульптура закрепляет избранные сцены.

Я вижу в завершённом ряде подвигов возможность говорить о пройденном пути испытаний. В источниках перед нами конкретные свидетельства: литературное объяснение состава цикла и его изображение в святилище. Они дают гораздо больше материала для размышления, чем простое совпадение числа с количеством месяцев.

Двенадцать колен и общая память

В библейском повествовании двенадцать получает значение, связанное с происхождением и целостностью народа. В конце сорок девятой главы Бытия благословение Иакова подводится итогом, в котором названы двенадцать колен Израиля. Отдельные судьбы собраны в общий родовой ряд.[26]

Мне хочется задержаться здесь на слове «общий». Различие участников не исчезает. Благословение относится к каждому, но перечисление одновременно удерживает их связь. Для понимания полноты это существенно: она может означать присутствие всех частей, а не их одинаковость.

Особенно наглядно число действует в рассказе о переходе через Иордан в книге Иисуса Навина. Из народа выбирают двенадцать человек, по одному от колена. Каждый должен взять из реки камень и перенести его к месту стоянки. Получается двенадцать камней, связанных с двенадцатью частями народа.[27]

У этого действия есть объяснение внутри самого текста. Когда дети впоследствии спросят о камнях, им нужно рассказать о переходе через Иордан. Памятник должен сохранять память о событии, в котором народ увидел действие Бога.

Вот здесь число обретает вес в буквальном смысле: камень поднимают на плечо и несут. Представительство каждой части общности становится видимым. Память хранится через предметы, а предметы должны вызвать вопрос, на который следующее поколение получит рассказ.

Для меня такой эпизод раскрывает символику полноты убедительнее отвлечённой формулы. Двенадцать связывает общность, действие её представителей и последующую передачу памяти. Мы можем проследить, как именно оно работает в повествовании.

Почему состав перечней требует внимания

При этом библейские двенадцать нельзя свести к одному неизменному списку имён на все случаи. В рассказе о разделе земли потомки Иосифа представлены двумя коленами, Ефремом и Манассией, а левиты не получают такого же земельного удела: для них предусмотрены города и прилегающие пастбища. Это прямо объясняется в начале четырнадцатой главы книги Иисуса Навина.[28]

Если механически соединять имена из разных перечней, можно запутаться. Родословие, земельное распределение и религиозное служение описывают разные отношения внутри народа. Сначала нужно увидеть задачу конкретного перечисления.

Мне интересна сама устойчивость общего образа при различии способов его представить. Число двенадцать помогает говорить об Израиле как о целом, но содержание отдельных рядов раскрывается через их контекст. Здесь полнота уже принадлежит языку традиции, а не только арифметике.

Когда место одного занимает другой

Связь двенадцати апостолов с двенадцатью коленами не нужно искать через догадку о совпадении. В Евангелии от Матфея Иисус говорит последовавшим за Ним о двенадцати престолах и суде над двенадцатью коленами Израиля. В одном высказывании соединены оба ряда.[29]

Поэтому ближайший смысл этого числа в данном евангельском месте раскрывается через библейскую историю народа. Перед нами преемственность образов, обозначенная самим текстом. Для её установления не требуется сначала обращаться к зодиаку или греческому пантеону.

А в первой главе «Деяний апостолов» можно увидеть, насколько существенно сохранение круга. После отпадения Иуды его место должно быть занято другим. Пётр говорит об избрании человека из тех, кто сопровождал их во время служения Иисуса, чтобы он стал вместе с ними свидетелем воскресения. Выдвинуты двое: Иосиф, называемый Варсавой, и Матфий. После молитвы бросают жребий, который выпадает Матфию. Он присоединяется к одиннадцати.[30]

Здесь есть требования к новому участнику, есть выбор и действие, восстанавливающее состав. Другого человека не просто прибавляют к случайно сложившейся компании. Ему предстоит занять определённое место в служении.

Для меня именно этот эпизод позволяет ясно почувствовать различие между количеством присутствующих и значением целого ряда. Человек выбывает, но общность не оставляют в состоянии одиннадцати: состав восполняют. Это наблюдение понадобится нам, когда будем разбирать застольные поверья и то, как позднее стали объяснять тринадцать участников Тайной вечери. Пока же важно увидеть самостоятельное положительное значение двенадцати в христианском повествовании.

Город, в котором число становится устройством

В двадцать первой главе Откровения Иоанна Богослова двенадцать повторяется в описании Нового Иерусалима. У города двенадцать ворот; на них имена колен Израиля. У стены двенадцать оснований, на которых имена апостолов. По трое ворот обращены к каждой из четырёх сторон.[31]

Текст не оставляет эти ряды разрозненными. Имена колен и апостолов включены в устройство одного города. В описании появляются и двенадцать тысяч стадий, и сто сорок четыре локтя. Последнее число равно двенадцати, умноженному на двенадцать. Здесь числовая организация поддерживается последовательно, через несколько уровней образа.

Мне представляется важным читать это описание в связи с началом главы: речь идёт о новом небе, новой земле и городе, сходящем от Бога. Число участвует в изображении преображённого, устроенного мира. Внутри христианского текста оно соединяет то, что мы уже встретили по отдельности: народ, апостольский круг и общую завершённую структуру.

Такое употребление позволяет содержательно говорить о сакральной полноте. Мы называем её не потому, что обнаружили двенадцать где-то рядом с религией. Сам текст связывает числом составные части священного образа.

Как я понимаю этот круг

Для меня двенадцать выражает целое, в котором части получили своё положение. В платоновском проекте им соответствуют участки, гражданские группы и посвящения богам. В библейских рассказах число помогает представить народ, сохранить общую память и описать апостольское служение. Эти системы различаются, и каждая даёт собственное содержание образу порядка.

Я вижу в этом созвучие своему пониманию матрицы как пространства опыта. Структура создаёт условия, внутри которых можно действовать, взаимодействовать и проходить определённый путь. Она может давать опору. Само наличие границ ещё ничего не говорит о том, как человек с ними обходится и способен ли осознать более широкий опыт.

Но историческая связь между конкретными рядами и моим символическим сопоставлением устанавливается по-разному. Между коленами Израиля и апостолами связь обозначена в Евангелии. Платоновское государство и библейский город я сопоставляю как читатель, обращая внимание на способы представить согласованное целое. Так у меня появляется возможность развивать собственную мысль, сохраняя различия прочитанных текстов.

Теперь понятнее и вопрос, с которым мы идём к тринадцати. Если определённый ряд воспринимается как полный, что означает следующий элемент? Он расширит прежнее устройство, займёт в нём новое место или будет воспринят как нарушение? Готового ответа для всех традиций здесь нет. Нужно проследить, где и когда дополнительному числу действительно стали приписывать несчастье.

С этого и начнётся следующая часть нашего исследования.

Глава 4. Когда начали бояться тринадцати

Прежде чем разбирать объяснение через Тайную вечерю, я решила посмотреть, что сохранилось в старых текстах. Когда человек написал, что тринадцать сулит неприятности? О чём он говорил: о дне, о количестве гостей, о самом числе?

Это пришлось разделить. Иначе получается странная история: один автор не советует начинать работу в определённый день, другой избегает лишнего места за столом, а мы соединяем их и объявляем, что люди тысячелетиями боялись одного и того же.

Я искала ранние свидетельства, по которым можно увидеть сам страх, ещё до наших объяснений его происхождения. У таких поисков есть граница: дата сохранившегося текста показывает, что поверье к этому времени уже существовало. Когда его впервые произнесли вслух, мы можем так и не узнать.

День, в который можно сажать

Один из древних текстов, к которому стоит обратиться, принадлежит Гесиоду. Его поэма «Работы и дни» относится к рубежу VIII–VII веков до нашей эры. В ней есть наставления о труде, хозяйстве и выборе времени для разных дел. Ближе к концу появляются указания, какие дни подходят для работы, а каких лучше избегать.[32]

Нас интересуют две соседние строки. В переводе Викентия Вересаева они звучат так:

«Сев начинать на тринадцатый день опасайся всемерно;

Но для посадки растений тринадцатый день превосходен».[32]

Я бы здесь не спешила перелистывать страницу. Обычно для истории о несчастливом числе достаточно первой строки: вот же, уже в древности предупреждали. Но следующая меняет смысл примера. Для одного дела день неблагоприятен, для другого превосходен. Человеку не предлагают провести его в страхе, заперев дом. Ему предлагают иначе распределить работу.

Различие сева и посадки для нас может показаться мелочью, но в наставлении земледельцу оно существенно. Одинаковая дата получает разные значения в зависимости от действия. Если оставить только запрет, из такого календаря легко сделать рассказ о проклятом числе.

У Гесиода речь идёт о конкретном занятии в определённый день. Между этим наставлением и поздним страхом тринадцати гостей остаётся история, которую одним сходством числа не восстановишь.

Меня здесь занимает и способ чтения. Мы можем прийти к древнему автору с готовым ожиданием и заметить ровно ту строчку, которую искали. Тогда источник вроде бы присутствует, а его смысл мы незаметно изменили. Я хочу сохранить в этой книге и те находки, которые мешают слишком удобному объяснению.

Двенадцатым или четырнадцатым

Перенесёмся во Францию конца XVI века. В третьей книге «Опытов», в главе об искусстве беседы, Мишель Монтень рассуждает о том, как он относится к чужим мнениям и привычным поверьям. Среди примеров появляется любопытное признание: ему предпочтительнее быть за столом двенадцатым или четырнадцатым, чем тринадцатым. Рядом он упоминает предпочтение четверга пятнице и другие распространённые приметы.[33]

Здесь узнаётся знакомая нам ситуация. Ужин, собравшиеся люди, подсчёт. Причём Монтень не вводит читателя в особую тайную традицию. Он приводит примеры того, что имеет хождение вокруг него. Это позволяет увидеть поверье в повседневной среде, где оно достаточно понятно, чтобы обойтись без длинного объяснения.

Но было бы неточно пересказать его слова так: Монтень боялся пятницы, тринадцатого. У него рядом стоят предпочтение одного дня недели другому и нежелание оказаться тринадцатым за столом. Совпадения пятницы с определённой календарной датой этот фрагмент не описывает.[33]

Мне близка сама возможность заметить в себе такую уступку обычаю. Человек способен рассуждать свободно, спокойно выслушивать разные взгляды, а потом при выборе между двумя одинаково доступными вариантами взять тот, который считается благополучнее. Насколько глубоко он верит в примету, по одному этому движению не определишь.

Представим такую ситуацию без привязки к конкретному историческому ужину. Хозяйка пригласила гостей, но один не пришёл. Люди остались прежними, еда приготовлена, дом тот же. Однако после пересчёта у встречи появляется новое значение. Прежде чем что-либо произошло, уже возникла необходимость что-то исправлять.

Это моё наблюдение о действии подобного запрета. В словах Монтеня я вижу историческое свидетельство застольной настороженности, а дальше пытаюсь понять, как она могла ощущаться человеком. Пока человек не сосчитал присутствующих, он мог совершенно спокойно с ними сидеть.

Когда числу назначили срок

В 1787 году английский собиратель Фрэнсис Гроуз выпустил «Провинциальный глоссарий» с пословицами и народными поверьями. В разделе о счастливом и несчастливом он рассказывает о предпочтении нечётных чисел. В разных обычаях, отмечает Гроуз, встречаются повторения по три, семь или девять раз. И тут же выделяет исключение: тринадцать считается зловещим. Если столько людей соберутся в одной комнате, один из них умрёт в течение года.[34]

Обратите внимание, в этой записи говорится о комнате. Для действия приметы не требуется описания трапезы. Не названа и пятница. Угроза привязана к количеству собравшихся и ограничена сроком.

Это уже вполне определённая формула страха. Достаточно оказаться среди тринадцати человек, и на ближайший год словно появляется предсказание. Причём Гроуз не объясняет здесь происхождение поверья и не сообщает, когда оно возникло. Он фиксирует его среди других представлений, которые собирает.[34]

Важна и соседняя мысль о нечётных числах. Если бы дело заключалось в одной лишь нечётности, тринадцать не пришлось бы выделять. Перед нами культура, в которой отдельные нечётные числа могли восприниматься благоприятно, а одно из них получало противоположную оценку.

Для меня это повод внимательнее относиться к словам «нарушение порядка». Они помогают размышлять о символике, но сами по себе ещё ничего не объясняют. Семь тоже выходит за пределы шести, а девять за пределы восьми. Чтобы понять отношение к тринадцати, придётся выяснять, какой именно порядок человек считал завершённым и с какой историей связывал следующий шаг.

Пока у нас есть запись, в которой тринадцать уже связано со смертью. Но ни дьявол, ни выход из земной системы опыта в этом коротком свидетельстве не названы. Эти смыслы мы будем исследовать отдельно, не вкладывая их задним числом в слова собирателя.

Как страх обрастал правилами

В книге Томаса Фирмингера Тизелтона-Дайера «Домашний фольклор», изданной в 1881 году, застольному поверью отведено место в отдельной главе. Автор передаёт вариант: из тринадцати обедающих в следующие двенадцать месяцев умрёт один, обычно самый младший. При нехватке гостя число стараются довести до четырнадцати; среди описанных способов есть приглашение ребёнка.[35]

В другом сборнике конца XIX века, «Магии подковы» Роберта Минса Лоуренса, записаны иные условия. Опасность связывали с тем, кто первым покинет комнату после еды; избежать её, по поверью, можно было, если всем подняться одновременно.[36]

У этих версий общее тревожное ядро, но разные подробности. В одной важен возраст, в другой порядок ухода. Это различие стоит сохранить. Перед нами несколько записанных вариантов, а не единая инструкция, которую все народы получили в готовом виде.

Я представляю, сколько неудобства могло возникнуть вокруг самого обычного ужина. Когда запрещено определённое количество людей, приходится менять состав компании. Когда опасен первый уходящий, приходится согласовывать даже момент, когда можно встать. Само правило порождает действия, которые делают его заметным и передают дальше. Ребёнок может ещё не знать происхождения запрета, но уже видеть, как взрослые из-за него переставляют места.

В этом рассуждении я описываю возможный путь передачи обычая. Источники сообщают о способах избежать приметы; они не позволяют заглянуть в мысли каждой семьи, которая их соблюдала.

У Дайера есть и объяснение через Тайную вечерю. Он считает его правильным, предпочитая другой приведённой версии. Однако уверенность автора XIX века ещё не датирует появление самого объяснения. Это ценный документ того, как поверье истолковывали в его время. Для разговора о библейском основании нужно открыть уже библейские тексты. [35]

Лоуренс сообщает также, что театральную ложу под номером тринадцать могли обозначать как 12A, а некоторые люди старались изменить номер дома. Эти сообщения показывают, что к концу XIX века описывали и страх перед числом вне застолья. Избегать начинали обозначения, с которыми приходилось жить и пользоваться каждый день. [36]

Вот здесь меня особенно занимает попытка убрать опасность переименованием. Ложа остаётся на прежнем месте. Соседние помещения не сдвигаются. Меняется надпись, и для человека, который её боялся, это может оказаться существенным. В дальнейшем нам понадобится это различие между самим предметом и значением, которое сознание узнаёт в его обозначении.

Что мы можем назвать началом

После этих текстов я не могу назвать одну дату рождения страха. И не хочу заполнять промежутки красивой историей, будто от Гесиода к Монтеню, а от него к английским собирателям шла одна непрерывная передача запрета. Для такой связи нужны свои свидетельства.

Зато теперь у нас есть несколько опор. В древнем наставлении тринадцатый день подходит для одной работы и не подходит для другой. В конце XVI века записано предпочтение двенадцати или четырнадцати участников застолья. К концу XVIII века зафиксировано поверье о смерти одного из тринадцати собравшихся в течение года. В XIX веке собиратели описывают разные способы избежать опасного количества и другие проявления настороженности к числу.

История становится содержательнее, когда мы перестаём требовать от каждого упоминания тринадцати одного значения. Иногда речь идёт о времени действия, иногда о составе группы, иногда о знаке на двери. Сближать их можно, но сначала нужно понять каждое в его собственном окружении.

Пока я вижу, как число становится условием запрета, как запрет получает подробности и как люди начинают сообразовывать с ним своё поведение. К духовному смыслу этой границы мы ещё вернёмся.

А сейчас стоит разобраться с объяснением, с которого я сама начала. У нас есть Иисус и двенадцать учеников. Откуда взялось утверждение, что именно Иуда был тринадцатым? Есть ли в евангельском рассказе этот порядок счёта, или его принесли в рассказ позднее? С этого и продолжим.

Глава 5. Один стол и тринадцать участников

За столом Иисус и двенадцать учеников. Иуде отдают тринадцатое место и связывают его предательство с несчастливым числом.

В этом объяснении есть незаметная перестановка. Сначала мы считаем всех присутствующих, а потом отдаём последний номер тому, о ком уже знаем самое страшное. Если начать счёт с Иуды, тринадцатым окажется другой человек. Почему же мы так уверены, что это место принадлежало именно предателю?

Мне хотелось разобраться с этим спокойно. Сама евангельская трапеза имеет огромное духовное значение. Тем важнее понять, что действительно рассказано о ней и как рядом с этим рассказом выросло поверье, способное испортить людям обычный семейный ужин.

Тот, кто уже был среди двенадцати

У Матфея события развиваются в определённом порядке. Иуда идёт к первосвященникам и договаривается о выдаче Иисуса. После этого ученики готовят пасхальную трапезу, а вечером Иисус возлегает с двенадцатью. Во время еды Он сообщает, что один из присутствующих предаст Его. Ученики огорчаются и начинают спрашивать о себе. Иуда тоже задаёт вопрос.[37]

Предательство задумано до ужина. В тексте не описано, как Иуда опаздывает, входит последним или занимает оставшееся место. Он назван одним из двенадцати ещё тогда, когда отправляется договариваться о выдаче Учителя.

У Марка это выражение повторяется. Иуда принадлежит к двенадцати, когда идёт к первосвященникам. Вечером Иисус приходит с двенадцатью. Когда звучит предсказание, речь снова идёт об одном из этого круга, который ест вместе с Ним.[38]

Для меня здесь меняется сама картина. Я представляла человека, который будто бы добавился к уже собравшейся компании и принёс беду. А читаю о том, кто уже находится внутри близкого круга. Его знали, с ним ходили, ему доверяли. Боль рассказа связана с этим доверием.

Выражение «один из двенадцати» подчёркивает принадлежность. Привычный пересказ делает из него лишнего тринадцатого. Между этими образами большая разница. В одном случае беда приходит от чужого, которого можно было бы не впускать. В другом предаёт свой.

И всё же арифметику никто не отменяет: Иисус и двенадцать учеников дают тринадцать участников. Это позволяет связать поверье с трапезой на уровне общего количества. Но из суммы нельзя вывести порядок прихода и назначить Иуде последнее место. Для этого нужно ещё одно свидетельство, а в разобранных евангельских сценах его нет.

Трапеза, которую нельзя свести к несчастью

Если читать Матфея дальше, за предсказанием предательства следует рассказ о хлебе и чаше, о теле и крови, о завете и прощении грехов. У Марка также появляются хлеб, чаша и обещание нового приобщения в Царствии Божием.[37][38]

Это важно для нашей темы. В пересказе приметы от трапезы часто остаётся одна цепочка: собрались тринадцать, произошло предательство, последовала смерть. Из неё исчезает то, чему сами евангелисты уделяют центральное место.

Получается, мы смотрим на священное событие через очень узкое окошко. Берём число участников и будущую трагедию, а всё остальное оставляем за пределами объяснения. После такой выборки любой следующий стол на тринадцать человек можно представить повторением беды.

Мне такое обращение с рассказом кажется обедняющим. Если человек воспринимает Тайную вечерю как священную, её смысл не исчерпывается страхом перед предстоящей смертью. Даже внутри самого повествования есть дар, общность и обещание. Здесь недостаточно пересчитать людей, чтобы понять происходящее.

Откуда тогда берётся ощущение, что за этим столом уже присутствует зло? Для ответа нужно обратиться к Иоанну.

Кусок хлеба и уход в ночь

В тринадцатой главе Евангелия от Иоанна во время вечери Иисус встаёт, снимает верхнюю одежду, опоясывается полотенцем и омывает ученикам ноги. В начале главы уже сказано о намерении Иуды предать Его. Позднее Иисус сообщает ученикам о предательстве. Они недоумевают, о ком Он говорит.[39]

Пётр знаком обращается к ученику, которого любит Иисус, чтобы тот спросил. В ответ Иисус указывает на человека, которому подаст обмакнутый кусок. Кусок получает Иуда. После этого евангелист говорит о вхождении в него сатаны. Иисус велит ему скорее делать то, что он делает. Другие не понимают этих слов: поскольку у Иуды денежный ящик, они думают о покупке к празднику или помощи нищим. Он выходит. Рассказ завершается коротким указанием: «а была ночь».[39]

Давайте задержимся на этой сцене. Читатель уже знает о предательстве, а присутствующие ещё допускают самое обычное объяснение. Человек вышел по делу. Деньги были у него, значит, поручение вполне возможно. Внешне сохраняется привычный порядок, хотя для одного участника общая трапеза уже заканчивается разрывом.

Когда я читаю это, мне не нужны добавленные тени на стенах, внезапный холод или гаснущий свет. Сам текст создаёт напряжение через разницу между тем, что известно читателю, и тем, что понимают ученики. Они находятся рядом с происходящим и всё же не видят его целиком.

Связь со злом в повествовании есть: назван сатана. А вот объяснения через количество присутствующих нет. Евангелист не говорит ни о лишнем месте, ни о том, что гостей оказалось слишком много.

Я не хочу убирать духовный смысл этой сцены ради более удобного рационального объяснения. Для меня в ней важны и внутреннее состояние человека, и его открытость определённому воздействию, и поступок, который он выбирает. Просто духовный разговор требует внимания к тому, что именно происходит с Иудой. Число не может заменить весь этот путь.

Как эту сцену читали до нас

У Иоанна Златоуста в семидесятой беседе на Евангелие от Иоанна внимание обращено на отношение Христа к предателю. Он подчёркивает: Иуда был учеником, участвовал в трапезах, видел благодеяния, но решился на предательство. Христос, по толкованию Златоуста, омывает ему ноги, стараясь удержать от злого намерения. Толкователь особо говорит о добровольности: оставление зла должно произойти по собственной воле Иуды.[40]

Это уже другой способ всматриваться в происходящее. Мы смотрим на человека, которому продолжают оказывать любовь, хотя его намерение известно. У него ещё есть возможность иначе ответить на происходящее. Трагедия от этого становится болезненнее: рядом с ним продолжается действие, которое могло бы его остановить.

В толковании Феофилакта Болгарского на ту же главу общий хлеб также напоминает Иуде о близости с тем, кого он собирается предать. А слова о ночи получают дополнительное прочтение: речь может идти и о внутренней тьме сребролюбия. Феофилакт рассматривает выход Иуды как удаление от Спасителя и внешне, и мысленно.[41]

Я не приписываю всем христианским толкователям одно мнение. Эти два текста показывают конкретную линию понимания: общая трапеза, нравственное состояние, свобода и разрыв. В приведённых рассуждениях смысл раскрывается без назначения Иуде тринадцатого номера.

Слова о внутренней ночи мне понятны. Человек может ещё сидеть рядом, разговаривать, участвовать в привычных делах, а решение предать уже принято. От этого сцена становится тяжелее: общий стол сохраняется, близость уже разрушена.

Изображение, которое мы принимаем за воспоминание

У многих из нас при словах «Тайная вечеря» возникает знакомая композиция Леонардо да Винчи. Христос в центре длинного стола, ученики по сторонам, повороты голов, поднятые руки. Произведение создано в 1495–1498 годах. В описании музея Ченаколо Винчиано Иуда показан среди апостолов: он отстраняется от Иисуса и держит мешочек с серебром. Композиция передаёт реакции на слова о предательстве.[42]

Я обращаюсь к этому изображению потому, что зрительная память бывает убедительнее прочитанного. Нам кажется, будто мы помним саму трапезу, хотя помним её позднейшее художественное воплощение. Художник выбирает момент, располагает фигуры, даёт жестам и предметам смысл.

Расположение людей на изображении не сообщает, в какой последовательности они входили в помещение. Даже когда мы различаем Иуду, мы узнаём его по художественным признакам и знанию сюжета. Изобразительная выделенность предателя ещё не делает его последним пришедшим.

Так привычный образ может незаметно заполнить пробел в тексте. Человек уверен, что видел всё своими глазами: вот стол, вот Иисус, вот Иуда. Но вопрос о порядке появления участников всё равно остаётся вопросом к источнику, а не к нашей уверенности в знакомой картине.

Компания, которой помог будущий ребёнок

Теперь обратимся к совсем другой трапезе, точнее, к литературному рассказу о весёлой компании. В седьмом номере The Spectator, вышедшем 8 марта 1711 года, Джозеф Аддисон описывает, как пожилая женщина замечает: присутствующих тринадцать. Несколько человек пугаются, одна или две дамы собираются уйти. Но другой участник находит выход: среди собравшихся беременная женщина, следовательно, в комнате четырнадцать. Вместо предсказанной смерти можно ожидать рождения.[43]

Мне нравится эта развязка. Никого не выгнали, за новым гостем не послали. Помог тот, кто ещё не родился и вообще не знал, что его уже привлекли спасать компанию.

Аддисон пишет с насмешкой над подобными страхами. Его очерк нельзя принимать за протокол события, в котором установлены все обстоятельства. Зато он показывает узнаваемый для автора и его читателей сюжет: число присутствующих меняет настроение встречи, а находчивый пересчёт позволяет продолжить вечер.[43]

В самом эпизоде нет объяснения через Иуду. Страх перед тринадцатью уже работает без пересказа евангельской истории. Конечно, из этого нельзя заключить, что религиозного объяснения тогда нигде не существовало. Можно сказать точнее: в данном рассказе оно не понадобилось.

Эта подробность важна. Поверье может передаваться как готовое правило: столько людей собирать нельзя. Причину разные рассказчики способны объяснять по-разному, а кому-то достаточно того, что правило соблюдали родители.

Где появляется тринадцатый Иуда

В предыдущей главе мы уже встретили книгу Тизелтона-Дайера «Домашний фольклор» 1881 года. Теперь вернёмся к тому месту, где он объясняет застольный запрет. Автор прямо связывает его с Тайной вечерей и называет Иуду тринадцатым. Рядом он приводит другую версию, приписанную корреспонденту Gentleman's Magazine конца XVIII века: будто страх связан с расчётами страховых контор, согласно которым один из тринадцати случайно взятых людей умрёт за год. Сам Дайер предпочитает объяснение через Тайную вечерю.[35]

Здесь стоит заметить две вещи. Во-первых, номер Иуде действительно присваивали в печатном объяснении поверья. Во-вторых, Дайер не показывает, когда этот номер появился впервые и каким путём был перенесён в бытовой запрет. Его уверенность выражает позицию автора, а не заменяет недостающую историю передачи.

Версию со страхованием я тоже не стала бы повторять как установленный факт. Само наличие такого объяснения не подтверждает соответствующего расчёта. Возраст, здоровье и состав группы имеют значение; по одному количеству собравшихся нельзя назначить каждому ужину одинаковую вероятность смерти.

А в соседнем рассказе у Дайера хозяйка, не сумевшая довести число людей до четырнадцати, сажает за стол любимую кошку. У этого сообщения нет достаточных подробностей, чтобы восстановить конкретный вечер, но как записанный фольклорный сюжет оно показательно.[35]

Представьте, сколько свободы обнаруживается в счёте, когда очень нужно избежать запрета. То учитывают будущего ребёнка, то включают животное. Формально люди ищут защиту от числа, но фактически договариваются, кого считать участником. За внешне строгим правилом обнаруживается пространство для находчивости.

Что изменилось при пересказе

В этой главе для меня постепенно разошлись два рассказа, которые раньше сливались в один. В евангельской трапезе предаёт человек, принадлежавший к близкому кругу. В бытовой примете опасным становится само количество собравшихся. Позднее объяснение соединяет их, отдавая Иуде номер, которого не устанавливает сцена ужина.

Я понимаю, почему такое соединение оказалось убедительным. В нём есть общий стол, предательство, названное в тексте духовное зло и предстоящая смерть. Чтобы получить пугающую формулу, остаётся удержать эти элементы и прибавить к ним сумму участников. Но история появления этой формулы требует отдельных документов. Одного совпадения количества недостаточно.

Для моего понимания духовного опыта существеннее то, что происходит с человеком внутри общего круга. Принадлежность к нему не отменяет личного выбора. Можно находиться рядом с Учителем и постепенно отдаляться от него своим намерением. Можно разделять хлеб и уже готовить разрыв.

К вопросу о матрице я вернусь позднее. Сейчас перед нами конкретная потеря смысла: вместо предательства человека из близкого круга начинают обсуждать его предполагаемый номер.

Однако у тринадцати есть ещё одно устойчивое окружение: ведьмы, шабаш и дьявол. Там тоже встречается соблазнительно ясная схема из двенадцати участников и ещё одного. Следующий шаг нашего исследования будет связан с записями о колдовстве: нужно понять, кто называл такое количество, при каких обстоятельствах и что именно было записано.

Глава 6. Ведьмы, дьявол и тринадцатый участник

Стоит произнести «тринадцать ведьм», и воображение уже знает, что показать. Ночь, собрание где-то за пределами человеческого жилья, круг и тот, ради кого все пришли. Картинка возникает быстрее, чем вопрос о её происхождении.

Но я хочу задержаться именно на вопросе. Кто сообщил, что участников должно быть тринадцать? Считали ли вместе с ними дьявола? И почему в одних рассказах это число угрожает постороннему человеку, а в других сами участники стремятся его набрать?

Мне важно понять, как складывалась связь тринадцати с нечистой силой. Здесь уже недостаточно сказать: ведьмы собирались на шабаш, поэтому число стало чёртовым. Придётся открыть записи, в которых люди действительно рассказывали о таких собраниях, а затем посмотреть, что с этими рассказами сделали позднейшие авторы.

Женщина из Олдерна

Весной 1662 года в шотландском Олдерне записывают признания Изобель Гауди. Первая запись датирована 13 апреля. Перед нами документ разбирательства о колдовстве, оформленный нотариусом Джоном Иннесом.[44]

Вторая запись датирована 3 мая того же года. Именно здесь находится фраза, ради которой я к ней обратилась: в каждом ковене тринадцать человек. Следом говорится, что у каждого есть дух, которого можно позвать на службу. Дальше перечисляются имена духов, их облик и одежда. У Гауди есть свой дух, у других участников свои.[44]

Эта подробность сразу усложняет знакомую картинку. Нельзя просто расставить двенадцать женщин и добавить к ним дьявола, будто документ сообщает только об этом. В рассказе различаются люди, помогающие им духи и главный дьявол. Мир, который описывает Гауди, гораздо населённее одной группы из тринадцати.

Есть и ещё одна деталь. Непосредственно перед указанием постоянной численности сказано о встречах, на которые собиралось то больше, то меньше людей. Число членов группы и число присутствующих на каждом собрании не обязательно совпадали. [44]

Я обращаю на это внимание потому, что короткий пересказ легко делает из текста совсем жёсткую схему: всегда ровно тринадцать, ни больше ни меньше. А запись сохраняет движение, разные встречи, разные составы.

В первом признании названы и должности внутри группы: Джон Янг выступает как распорядитель, Джин Мартин названа Девой ковена. Там же рассказывается о действиях, направленных против чужого молока, пива и урожая. Угроза касается привычного хозяйства, от которого зависит жизнь людей.[44]

Почувствовать этот мир можно и без выдуманного описания ночного ветра. Для человека, который живёт своим хозяйством, исчезновение молока или испорченный припас означает вполне ощутимую беду. В такой среде разговор о скрытом отнятии плодородия касается завтрашней еды. За колдовским обвинением стоят страх потери и попытка назвать того, кто её причинил.

Современный проект Эдинбургского университета The Survey of Scottish Witchcraft отдельно отмечает необычность дела Гауди. В её рассказах соединяются дьявольские собрания, духи, превращения и сказочные мотивы. Исследователи предупреждают, что это дело нельзя считать типичным для всех шотландских обвинений в колдовстве.[45]

Иными словами, яркость источника ещё не делает его всеобщим правилом. По одному очень подробному рассказу легко представить целую эпоху. Но подробный рассказ одной женщины остаётся прежде всего её делом, с его обстоятельствами и участниками.

Что означает признание

Когда я читаю подобные записи, мне приходится помнить о человеке, чьи слова передо мной. У Гауди не было положения независимого исследователя, которому предложили свободно выступить о тонком мире. Её рассказ становился частью обвинительного разбирательства.

В издании документа присутствуют заверения о добровольности признания. Однако сама такая формула ещё не позволяет восстановить всё, что происходило до записи. Из неё нельзя узнать, как женщина спала, чего ожидала, какие вопросы уже слышала и какое давление испытывала. Утверждать применение к ней конкретной пытки без свидетельства я тоже не буду.

Для истории числа нам не нужно заранее решать судьбу каждого сверхъестественного эпизода. Мы можем установить более определённую вещь: к 1662 году в этом деле записан рассказ о группе из тринадцати человек, действующей в окружении дьявола и духов. Это реальное свидетельство существования такого представления.

А вот переход от записанного признания к утверждению, что все исторические ведьмы состояли в одинаковых объединениях, требует совсем других доказательств. Так же как и утверждение, будто именно отсюда весь мир узнал несчастливое число.

Вера в духовный мир не обязывает меня принимать каждое обвинение в колдовстве как точное описание чужой жизни. Люди способны и соприкасаться с непонятным, и ошибаться в его объяснении, и пользоваться чужим страхом. Внимательное отношение к документу помогает не смешивать эти возможности.

Как из отдельных дел получилась система

Перенесёмся в начало XX века. Маргарет Мюррей изучает материалы ведьмовских процессов и выстраивает картину сохранившегося дохристианского культа. В статье «Ведьмы и число тринадцать», опубликованной в журнале Folk-Lore в 1920 году, она утверждает, что постоянное число членов ковена составляло тринадцать. При этом сама отмечает: прямые указания на численность она нашла лишь в двух рассматриваемых случаях. В остальных её приходится устанавливать подсчётом имён или выводить из других сведений. [46]

Вот на этом месте я бы остановилась. Человек прямо говорит о тринадцати участниках — это один вид свидетельства. Исследователь собирает имена из дела и получает тринадцать — другой. Совпадение суммы ещё не сообщает, что люди составляли обрядовую группу, тем более группу с обязательным численным правилом.

У Мюррей есть своя модель распределения ролей. Для небольшого округа она описывает двенадцать участников и «дьявола»; в более крупном предполагает группы из тринадцати со своим распорядителем и общим руководством. Это уже объяснение исследовательницы, организующее разнородные записи.[46]

В книге «Ведьмовской культ в Западной Европе» 1921 года хорошо видно, как такое объяснение работает. Тринадцать обвиняемых становятся одним ковеном, двадцать шесть — двумя, тридцать девять — тремя. Но количество людей в судебном деле может зависеть и от хода расследования. Оно само по себе не устанавливает устройство тайного сообщества. [47]

Особенно меня задержал приведённый Мюррей эпизод из Пейсли. По её изложению, в 1692 году тринадцать человек добились наказания клеветников, обвинявших их в питье за здоровье дьявола. И всё же исследовательница допускает: сама численность оклеветанных может указывать на правдивость обвинения.[47]

Представьте, что происходит с человеком при таком чтении. Он защитился от обвинения, но потом появляется толкователь, для которого число снова делает его подозрительным. У схемы оказывается больше власти, чем у результата разбирательства.

Мне не хочется превращать Мюррей в карикатуру на исследователя. Её работа важна для истории самого образа: она показывает, как можно собрать рассеянные сведения в ясную и запоминающуюся систему. Проблема возникает, когда читатель перестаёт видеть, какие части системы прямо записаны в источнике, а какие достроены автором.

В исследовательском проекте музея Питт-Риверса Элисон Петч приводит оценку фольклористки Жаклин Симпсон: теория единого древнего культа опиралась на серьёзные методологические ошибки. При этом она получила большое влияние за пределами научной среды. [48]

Узнаваемость идеи и надёжность её исторического обоснования могут расходиться. Нам предстоит ещё не раз встретиться с этим в истории пятницы, тринадцатого.

Кого прибавляли к тринадцати

В тех же материалах Мюррей приводит рассказ Энн Армстронг 1673 года. Там есть группы по тринадцать человек, причём при каждой такой группе находится дьявол в том или ином облике.[46]

Получается арифметика, отличная от привычной: тринадцать людей и ещё дьявол при них. Если включать его в общее количество, получится четырнадцать. Поэтому фразы «тринадцать ведьм», «двенадцать ведьм и дьявол» и «тринадцать ведьм с дьяволом» нельзя свободно заменять друг другом.

Кажется, что это придирка к счёту. Но мы ведь и исследуем число. Если менять состав группы, не замечая прибавленного участника, можно получить любое удобное объяснение.

В одном варианте тринадцать определяет человеческое сообщество. В другом тринадцатым оказывается глава. В третьем к группе добавляются духи, которых вообще не включают в основной счёт. Значение числа зависит от того, кого рассказчик считает участником.

Эдинбургский проект, обобщающий шотландские дела, отмечает большое разнообразие описанных собраний. Его исследователи не находят подтверждения единой организации с обязательными группами по тринадцать. Известный образ ковена они связывают прежде всего с позднейшим обобщением отдельных признаний.[49]

Так сохраняются обе необходимые вещи: документальная связь тринадцати с рассказами о дьяволе и понимание того, что эта связь не даёт нам универсального устава всех ведьм.

Число, которое участники выбирают сами

Есть ещё один поворот, без которого история останется односторонней. В книге Джеральда Гарднера «Колдовство сегодня», вышедшей в 1954 году, тринадцать уже описывается как благоприятное число. Он пишет о двенадцати участниках и руководителе, а также о шести парах и ведущем обряда. При этом различает сообщество посвящённых вообще и тех, кто непосредственно работает в круге: первое может быть иной численности.[50]

Среди передаваемых им объяснений встречаются обычай, продолжительность ритуала и пространство круга. Гарднер также предлагает собственные числовые и лунные сопоставления. Такие объяснения характеризуют его понимание традиции; они не доказывают неизменность устройства групп со времён древности.[50]

Для меня здесь существенно другое. Люди, о которых он пишет, не стремятся избавиться от тринадцатого участника. Они могут считать такой состав желательным. Одинаковое число вызывает противоположные действия: где-то зовут дополнительного гостя, чтобы уйти от тринадцати, а где-то собирают людей, чтобы до него дойти.

Внешний наблюдатель способен увидеть колдовской круг и сразу назвать число дьявольским. Участники могут понимать его как устройство совместной работы. Установить их собственный смысл можно только по их словам и практике, а не по одному названию «ведьмы».

Я не предлагаю подменить все обвинительные записи рассказом Гарднера. Между ними века и разные обстоятельства. Его книга нужна нам как самостоятельный источник середины XX века, показывающий уже другую жизнь того же числа.

Та, для которой не нашлось тарелки

Рядом с судебными материалами существует сказочный образ, удивительно близкий к главному вопросу этой книги. В «Шиповничке» братьев Гримм, в издании 1812 года, у короля рождается дочь. На праздник хотят пригласить фей, но золотых тарелок двенадцать, а фей тринадцать. Одну оставляют без приглашения.[51]

Когда одиннадцать фей уже одарили ребёнка, появляется исключённая тринадцатая. Она предрекает принцессе смерть от укола веретеном. Двенадцатая, ещё не произнёсшая своего пожелания, смягчает приговор: вместо смерти будет столетний сон.[51]

В сказке действуют феи, а не участницы шотландского дела. И всё же она даёт точный образ: для двенадцати место предусмотрено, для следующей его нет.

И причина исключения почти бытовая. Король не выбирает между добром и злом после проверки каждой гостьи. Он располагает определённым количеством посуды. Устройство праздника рассчитано на двенадцать, хотя тех, кого следовало бы учесть, больше.

Мне хочется прочитать этот эпизод и с такой стороны. Тринадцатая приходит уже после того, как её исключили. Её жестокий ответ принадлежит самой героине, однако сюжет позволяет увидеть и предшествующее действие: существующий порядок не нашёл для неё места.

Так я читаю этот сказочный эпизод, не оправдывая жестокость героини. И задаюсь вопросом: всегда ли то, что не помещается в готовую систему, изначально является злом?

Что именно стало дьявольским

После этого исследования я бы точнее употребляла выражение «число дьявола». Если имеется в виду число зверя из Откровения, в синодальном тексте названо шестьсот шестьдесят шесть. Это отдельный библейский образ. Называя тринадцать дьявольским в связи с ковенами, мы говорим уже об иной истории значений.[52]

В ней есть конкретные звенья. Записанное признание связывает группу из тринадцати с дьяволом и духами. Поздний исследователь видит в отдельных делах единую организацию. Новое религиозное направление использует число в собственном понимании обряда. Сказка даёт ещё один образ тринадцатой, которой не нашлось места.

Для меня духовное значение этих сюжетов не исчезает оттого, что я различаю их происхождение. Напротив, становится яснее, о какой связи мы рассуждаем. Влияние сущности, человеческое намерение, устройство ритуальной группы и страх перед обозначением могут пересекаться, но одно не заменяет другого.

Пока я не нашла единого древнего установления, которое предписывало бы всей нечистой силе действовать по числу тринадцать. Зато вижу, как конкретные рассказы дали этому числу устойчивое окружение. Позднее человек уже мог не знать ни имени Гауди, ни трудов Мюррей, но узнавать угрозу в самих словах.

В русском языке такое окружение слышится особенно отчётливо: чёртова дюжина. Чёрт здесь прямо назван хозяином прибавки к двенадцати. Теперь нужно открыть русские словари, литературные и фольклорные записи и посмотреть, как живёт это выражение у нас.

Глава 7. Кого называют чёртовой дюжиной

Слово «чёртова» словно заранее определило хозяина числа. Мне захотелось услышать, как это выражение действительно произносили у нас: в словарной записи, в семейном разговоре, в литературной сцене. Там привычное название иногда ведёт себя совсем не так, как ожидаешь.

Слова «чёртова дюжина» кажутся почти готовым ответом. Двенадцать ещё наши, человеческие, а следующий будто уже пришёл от другого хозяина. Но стоит начать читать, и интонации расходятся. Одни ждут беды, другие поддевают собеседника, третьи рассказывают, как нечистая сила сама попала в неприятности.

Вот с этими голосами я и хочу познакомиться. Потому что русская история тринадцати гораздо живее одной приметы.

Сначала была дюжина

В этимологическом словаре Макса Фасмера слово «дюжина» сопоставляется с французским douzaine и итальянским dozzina, восходящими к латинскому обозначению двенадцати. Среди письменных свидетельств Фасмер указывает Морской устав 1720 года.[53]

Эта дата относится к слову «дюжина». Она не сообщает, что тогда же появилось выражение «чёртова дюжина». Между историей меры счёта и историей её пугающего определения нужно оставить расстояние, пока мы не нашли документ, который их соединяет.

Само слово у Даля объясняется через двенадцать однородных вещей. Рядом идут совершенно хозяйственные примеры и значения: дюжинный товар, дюжинный человек. А затем попадается насмешливое присловье: «Вашего брата по тринадцати на дюжину кладут, да и то не берут».[13]

У этой прибавки к двенадцати совсем иная роль. Человека не считают особенно могущественным или опасным. Ему говорят, что подобных хватает с избытком и даже дополнительная единица ничего не делает ценнее.

Я понимаю эту колкость почти без перевода на современный язык. Вроде бы человеку щедро прибавили место, а на деле обесценили всю компанию. Тринадцать оказывается удобным способом показать избыток: больше обычной меры, да толку мало.

Собственно чёртова дюжина находится у Даля в статье «Чёрт»: значение указано прямо, тринадцать. В четвёртом томе второго издания 1882 года эта строка стоит среди множества выражений с тем же определением. Тут и названия растений, и предметов, и бранные или шутливые обороты. Счёты, например, названы чёртовыми гуслями.[54]

Мне понравилось это соседство. Мы пришли искать особое демоническое число, а попали в огромную семью слов, которыми люди называли странное, неприятное, хитро устроенное, иногда просто смешное. Из одной словарной строки ещё не узнаешь, насколько всерьёз человек боялся того, что назвал чёртовым.

Словарная запись позволяет уверенно сказать, что выражение жило в дореволюционной русской речи. Но имени первого человека, назвавшего дюжину чёртовой, у нас пока нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.